

Адаптация галлицизмов в прозе А. С. Пушкина

© Л. П. ГОРДЕЕВА,
кандидат филологических наук

Статья посвящена изучению индивидуальных особенностей адаптации галлицизмов в разножанровых произведениях писателя-билингва. Определяется роль двуязычной личности в ассимиляции заимствованных слов. Рассматривается индивидуально-авторский характер изменения лексем на различных языковых уровнях в сопоставлении с общим процессом освоения одноименных иноязычных единиц.

Ключевые слова: галлицизм, прототип, билингвизм, этимон, двуязычное мышление, ассимиляция, адаптация, вариативность.

The article is devoted to the study of individual peculiarities of Gallicism adaptation in different genres works by the writer-bilinguist. The role of a bilingual personality in loanwords assimilation is defined. The author's individual character of lexeme change at different linguistic levels in comparison with the overall mastering of the borrowed units of the same name is considered.

Keywords: Gallicism, prototype, bilingualism, etymon, bilingual thinking, assimilation, adaptation, variability.

Изучение словарного состава языка пушкинской эпохи позволяет отметить наиболее активный источник пополнения русской лексики – французский язык. Французская лексика в нашей работе – это иноязычная лексика (нетранслитерированные элементы, вводимые автором в текст; прототип французского заимствования; слова, утратившие свои значения,

но присутствующие в языке в рассматриваемый период) и заимствования в классической их дефиниции, то есть галлицизмы, слова, заимствованные или непосредственно из французского языка, или пришедшие в русский язык через французское посредство. При определении источника заимствования учитывались в основном данные лексикографических справочников, а также лексикологических исследований Л.А. Булаховского, Р.А. Будагова, Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной, В.Г. Гака, Ю.С. Сорокина, Н.В. Габдреевой, А.И. Киндеревич и др.

Отличное знание французского языка в первой трети XIX века является характерной чертой представителя данной исторической эпохи и позволяет выделить такое явление, как активный билингвизм.

Двуязычие непосредственно имело и имеет свое влияние на процесс обогащения русского языка. Поэтому билингвизм А.С. Пушкина, безусловно, представляет интерес при исследовании ассимиляции французских заимствований на семантическом, лексическом, фонетико-орфографическом и грамматическом уровнях. Внимание уделяется смещению речевых кодов в сознании автора-билингва (см. [1]).

Исследование индивидуальных особенностей семантической ассимиляции французской лексики в прозе Пушкина позволило классифицировать галлицизмы, выделив в них три группы. В первую входят лексемы, которые не фиксировались в словарях в пушкинскую эпоху. У лексем второй группы рассмотрены отдельные значения, которые отражены в словарях, но представляют не весь семантический объем лексемы. Третья группа — это лексемы, значения которых закрепляются лишь в конце XIX века.

1. В качестве иллюстрации лексем первой группы можно привести цитату из «Истории Пугачева»: «Приношение сие как знак верноподданства, издавна называется *презентом*, или *первым “кусом”*» [2. Т. VII. С. 115]. Как видим, французская лексема *презент* сравнивается с исконно русским выражением *первый кус*. Галлицизм *презент* в значении *подарок* вошел в словарный состав русского языка еще при Петре I [3. Т. III. С. 393]. Однако Словарь Академии Российской не фиксирует данное слово на протяжении всей первой половины XIX века. Поэтому не случайно Пушкин для пояснения галлицизма *презент* использует фразеологически связанное выражение *первый кус*, где *первый* — *лучший, превосходнейший* [4. С. 21], а *кус* — «некоторый недостаток, доход, к содержанию кого служащий» [5. Ч. II. С. 500]. При этом сочетательная конструкция *первый кус* или *лучший достаток, доход* аналогичен галлицизму *презент — подарок*. Способ введения галлицизма — путем русского перевода — также достаточно традиционен: используется союз *или*, распространенный вариант сопровождения иноязычных слов в XVIII веке, который сохранился и в XIX веке.

2. Слова второй группы в русском языке в первой трети XIX века уже функционируют. Правда, автор использует в произведениях значения, отсутствующие в лексикографических изданиях. Интересен и тот факт, что

на развитие переносного значения, например, лексемы *портрет*, влияет, с одной стороны, семантическая деривация галлицизма на русской почве [6], с другой стороны, вторичное заимствование семы из французского языка [7].

Рассмотрим, как проходила адаптация данной лексемы. Слово *портрет* относится к ранним заимствованиям, его отмечают Н.А. Смирнов и Н.М. Шанский среди иностранных слов, вошедших в русский язык в петровскую эпоху. В словарях конца XVIII века лексема фигурирует как однозначная: «Портрет. Список с человека или его личина на картине»; «Портрет (образ, лицо)» [8]. Речь идет, возможно, о передаче лексического значения французского этимона *portrait* – *лицо*, образованного в XII веке [9. С. 576]. Прямое значение галлицизма можно встретить у Пушкина: «*Портрет*, набросанный Томским, сходствовал с изображением, составленным ею самою и благодаря новейшим романам – это, уже пошное, лицо пугало и пленяло ее воображение» (Пиковая дама) [Т. V. С. 253]. К началу XVIII века во французском языке складывается три значения: «1. Портрет, изображение, похожее на лицо человека, представленное посредством кисти, резца. 2. Говорят о детях, похожих на родителей. 3. Описание внешности человека» [10. С. 278]. К прямому значению во французском языке добавляется переносное значение «описание».

Ю.С. Сорокин [6] датирует случаи употребления слова в переносном значении пушкинским периодом и второй половиной XIX века. Приведем пример: «Какой-то генерал просит со мною увидиться: милости просим; входит ко мне человек лет 35-ти, смуглый, черноволосый в усах, в бороде, сущий *портрет* Кульнева...» (Дубровский) [Т. V. С. 191]. Однако русские лексикографические справочники в начале и в конце XIX века продолжают фиксировать только одно значение галлицизма: «*Портрет*, фр. Изображение, начертание, подобие, образ, вид лица человека, представленный посредством живописного искусства» [11. Ч. III. С. 400] и «Живописное или фотографическое изображение какой-либо особы» [12. Ч. II. С. 444].

Одно значение галлицизма *портрет* в словарных статьях на протяжении всего XIX века позволяет говорить об отсутствии в русском языке переносного значения. При этом Пушкин как писатель-билингв активно использует сему галлицизма – «описание внешности». В таком случае точка зрения Ю.С. Сорокиной, говорящего об ассимиляции переносного значения в пушкинский период и о преобладающей роли автора в данном процессе, и точка зрения Н.В. Габдреевой [7] о вторичном заимствовании, существуют параллельно и лишь иллюстрируют двуязычное мышление Пушкина, способствовавшего семантическому развитию галлицизма *портрет* и введению в словарный состав русского языка еще не зафиксированного в лексикографических изданиях значения этого слова.

Иногда при ассимиляции французского заимствования Пушкин прибегает к развернутым пояснениям. Например, у лексемы *патрон* в первой трети XIX века фиксируется только значение *заряд из пороха* и отсутствует используемое Пушкиным *покровитель*. Правда, вводит он это слово в текст с развернутым пояснением: «Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, представителю муз, высокому своему *патрону*... *Patronage* (покровительство) до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы» (Путешествие из Москвы в Петербург) [Т. VI. С. 391].

Рассмотрим, в чем заключается связь галлицизма *патрон* с французским словом *patronage*, отмеченным у Пушкина как синоним русского *покровительство*. Этимологические исследования показывают, что значение слова *патрон* как *покровитель* также введено при Петре I [3. Т. III. С. 217]. Однако, как и ранее, данное значение еще долгое время не фиксировалось в словарях. В Словаре Академии Российской в 1822 году отмечается лишь значение галлицизма *патрон* – *заряд из пороха* [5. Ч. IV. С. 82]. Только в 1847 году появляется анализируемое значение *покровитель*, *заступник* среди других лексических значений [13. С. 163]. При этом следует отметить, что в Словаре языка Пушкина в этом значении фиксируется также другая лексема – *протектор* [14. Т. III. С. 852]. Таким образом, Пушкин использует галлицизм *патрон* лишь как отличительную черту английской литературы. Однако в дальнейшем значения заимствований *патрон* – *покровитель* и *patronage* (патронаж) – *покровительство* выходят из узкоспециального употребления и используются применительно не только к английской литературе, но и ко всему социальному явлению в целом. Уже в пушкинский период происходит расширение семантического объема галлицизма *патрон*, несмотря на это, значение галлицизма *покровитель*, *заступник* не фиксируется в словарях, а появляется, как было указано ранее, лишь в 1847 году.

3. Описывая исторические события в своих произведениях, Пушкин часто использует лексему *секретарь*. Ее лексический комплекс в XIX веке неоднократно подвергается изменениям, закрепляясь только к концу XIX века.

Слово *secrétaire* функционировало во французском языке в XVIII веке в значении «служащий, в обязанности которого входит писать письма, депеши и пр.» [10. С. 460]. Русский язык заимствует галлицизм с расширением значения: «...особа, которой вверяются тайные дела; письмоводец в присутственном месте; чиновник, которому поручается производство дел» [11. Ч. II. С. 613]. Образование первого значения в словаре Н.М. Яновского, вероятно, обусловлено влиянием латинского языка, где *secrétaires* – *участник тайного совещания*.

Рассмотрим, какие из перечисленных значений есть в прозе Пушкина. Лексему *секретарь* в значении *чиновник* мы обнаруживаем в следующем контексте: «Назначено было Петром посольство в Европу. ...Тайный

советник Федор Алексеевич Головин и статский *секретарь* (думный дьяк) Прокофий Богданович Возницын. При них 4 *секретаря*...» [Т. VIII. С. 48]; «...*секретарь* посольства и все русские служители арестованы» [Там же. С. 73]. В «Истории Петра I» также доминирует значение *тайнохранитель*: «В шанцах взяты шведский министр граф Пипер с тайными *секретарями* Цидельгельмом и Дибеном, весь королевский кабинет с несколькими миллионами денег, весь обоз и проч.» [Там же. С. 174]. Итак, у Пушкина доминируют следующие значения галлицизма *секретарь*: 1) «чиновник, которому поручается производство дел» – *секретарь коллегии, секретарь посольства*; 2) «лицо, заведующее делами у частного лица» – *тайный секретарь*.

Рассмотрим, какие изменения наблюдаются в словарях начала XIX века. Так, если галлицизм *секретарь* в начале XIX века представлен смысловым комплексом: «особа, которой вверяются тайные дела» (значение, как видим, восходит к латинскому источнику), «письмоводец, в обязанности которого входит писать письма; чиновник, которому поручается производство дел» (последнее значение взято из французского языка), то к концу XIX века мы можем наблюдать следующий вариант: «*секретарь* – чиновник в присутственном месте, лицо, заведующее делами у частного лица или общества». Таким образом, семантическая эволюция галлицизма *секретарь* завершилась в конце XIX века заменой значения, трансформация же значений, связанная с сужением семантического объема на русской почве, происходит как раз в пушкинский период.

Изменения, связанные с индивидуальными особенностями использования французских лексем, наблюдаются не только в семантической ассимиляции, но также и в случаях фонетико-орфографической адаптации галлицизмов. Нами были выявлены в творчестве Пушкина варианты лексической и грамматической дифференциации, связанные с различным фонетико-орфографическим обликом некоторых галлицизмов. В частности, семантическая дифференциация, связанная с изменением фонетического и орфографического облика наблюдается у лексем *талия*, *фронт*, грамматическое варьирование можно выделить у лексемы *тансы*; примечательно также использование Пушкиным форм рода и числа у лексем *зал*, *панталоны*.

1. Трехзначная лексема *талия* образована от французского прототипа *taille* с первоначальным значением этимона *рост*, *фигура*, *талия* [9. С. 687]. В начале XIX века лексический комплекс галлицизма зафиксирован в трех значениях: «стан, рост, осанка, стройность вида, сложение; часть тела от плеч до пояса; метание карт» [11. Ч. 3. С. 791]. Что касается фонетико-орфографического облика галлицизма *талия* – *taille*, то при адаптации в русском языке он приобретает формы *талия* – *талья*. Графическая дифференциация в прозе Пушкина свойственна различным лексическим значениям [14. Т. III. С. 475, 476]. Так, лексема *талья* известна в прозе Пушкина

как «круг карточной игры до окончания колоды у банкмета или до срыва банка»: «Ждали г-на Сравцова – но он не мог притти по причине флюса, полученного им на ярмонке во время метания чрезвычайно счастливой *тали*» (Несколько московских литераторов) [Т. VI. С. 297]. Между тем фонетико-орфографический вариант *талия* употреблен как *часть туловища*: «Золото и серебро блистало на их робах; из пышных фижм возвышалась, как стебель, их узкая *талия*; алмазы блистали в ушах, в длинных локонах и около шеи» (Арап Петра Великого) [Т. V. С. 23].

Такая вариативность не фиксируется ни в одном лексикографическом издании XIX века [11] и отмечается только в Словаре языка Пушкина [14. Т. IV. С. 475].

Лексема *фронт*, французский прототип *front*, функционирует в русском языке с 1703 года в вариантах *фронт* – *фрунт*, причем *фрунт* чаще употребляется как «войсковой строй; войска в таком строю» [Там же. С. 797]: «Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во *фрунт*» (Капитанская дочка) [2. Т. V. С. 307]; «26-го фельдмаршал и господарь посетили его императорское величество. Войско стояло в строю. Им отдали честь по всему *фрунту*, и сам государь салютовал саблею, стоя перед Преображенским полком, как генерал-поручик своей армии» (Записки бригадира Моро-де-Бразе) [Там же. Т. VIII. С. 383], – а *фронт* как «передняя, обращенная к противнику сторона боевого построения, расположения войск» [14. Т. IV. С.797]: «Я был один из начальников авангарда или *фронта* нашего батальон-карре» [Записки бригадира Моро-де-Бразе] [Там же].

Что касается фонем у – о то, в связи с тем, что в указанном прототипе присутствует только гласная -о-, то появление гласной -у- в лексеме *фронт* (*фрунт*) М. Фасмер относит к народному происхождению [3. Т. IV. С. 208].

2. Грамматическая дифференциация намечается у галлицизма *стансы*.

Приведем примеры: «Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в *станцах* метафизических или Крылова в сатирической притче» (Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой) [Т. VI. С. 53]; «Если бы г. Тепляков ничего другого не написал, кроме элегии *Одиночество* и *станса Любовь и Ненависть*, то и тут занял бы он почетное место между нашими поэтами» (Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова) [Там же. С. 159].

Следует отметить, что если словоформу *стансы* можно встретить в разных падежных формах, то *станцы* Словарь языка Пушкина фиксирует только в предложном падеже: *в станцах* [14. Т. III. С. 343].

3. Процесс смешения русского и французского языков в сознании билингва при передаче французского прототипа в некоторых случаях сводится к вариативности грамматических форм, отмечаются лексикографически незафиксированные, компилятивные варианты, обусловленные,

с одной стороны, воздействием языка источника, с другой, языковыми процессами, происходящими в принимающем языке.

Панталоны в значении *брюки до колена* являлись обязательной принадлежностью французского мужского гражданского костюма до XVIII века. Слово имеет французский прототип *pantalon* (м.р.), грамматические особенности прототипа влияют на морфологическую характеристику галлицизма, образуя форму — *панталон* (м.р.). В указанной морфологической форме слово и существовало в XVIII—XIX веках. Однако в произведениях Пушкина мы видим уже современный вариант мн.ч. — *панталоны*: «...коробельные мастера в куртках и полосатых *панталонах*» [Т. V. С. 22].

Напротив, лексема *зал* представлена у Пушкина только в устаревшем варианте. Она имеет фонетико-орфографические прототипы *salle* и *salon*. Вариативность французского прототипа реализуется в принимающем языке колебанием форм женского и мужского рода — *зал* и *зала*. Вариативность морфологических форм фиксируется в словарях на протяжении всего XIX века и только во второй его половине лексикографические словари признают форму женского рода *зала* архаичной. У Пушкина при этом во всех произведениях употребляется только вариант *зала* — ж.р.

Системный анализ французской лексики на семантическом, лексическом, фонетико-орфографическом и грамматическом уровнях позволяет прийти к следующим выводам: галлицизмы представляют собой самостоятельный и полноправный компонент языковой и стилистической системы Пушкина, подвергаясь процессу ассимиляции (русификации) и в анализируемых текстах находясь на различных этапах адаптации. Смешение русского и французского языков приводит к освоению значений, не зафиксированных в лексикографических изданиях в рассматриваемый период. При этом источником значений в некоторых случаях может выступать французский прототип лексемы, который Пушкин вводит в словарный состав русского языка.

Литература

1. Габдреева Н.В. Смешение в языке билингвов: диахронический аспект функционирования на фоне современных аналогов // Лингвистические исследования: сборник научно-методических работ. Казань, 2009. С. 43–53.
2. Пушкин А.С. Собр. соч. В 10 т. М., 1959–1962. Далее указ. только том и стр.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1987.
4. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. СПб., 1902. Т. 1.
5. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. В 6 ч. СПб. Ч. III–IV, 1822.

6. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века. М. – Л. 1965. С. 451–452.
7. *Габдреева Н.В.* Лексика французского происхождения в русском языке (историко-функциональное исследование). Галлицизмы русского языка: происхождение, формирование, развитие. Ижевск, 2001. С. 55.
8. Российский с немецким и французским переводом словарь, сочиненный Иваном Нордстетом. В 2 ч. СПб., 1780–1782.
9. *Dauzat A.* Dictionnaire etymologique de la langue française. Paris, 1961.
10. Dictionnaire de l'academie française. Lyon, 1777. Т. 1, 2.
11. *Яновский Н.М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значения которых не всякому известно. В 3 ч. СПб., 1803–1806.
12. *Бурдон И.Ф.* Словотолкователь 32 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней. В 2 ч. СПб., 1874–1875. Ч. 2. С. 444.
13. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. В 6 ч. СПб., 1847. Ч. III.
14. Словарь языка Пушкина. В 4 т. М., 1956–1961.
15. Новый и полный французский и российский лексикон, содерж. в себе собрание всех употребительных французских слов. М., 1801. Ч. 1–2.

*Казанский (Приволжский)
федеральный университет*